

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.131-145

В. А. Маслов*

Доминирование лишения свободы в структуре назначаемых наказаний: проблемы правоприменительной практики

Аннотация. В статье исследуется практика назначения наказания в виде лишения свободы в России за период с начала 2000-х гг. до 2021 г. Посредством диаграмм в контексте рассматриваемого вопроса последовательно проанализирована структура назначаемых в России уголовных наказаний по итогам 2021 г., количество и удельный вес осужденных к лишению свободы в России в период с 2003 по 2021 г. В рамках рассмотрения вопросов практики применения наказания в виде лишения свободы по отдельным категориям преступлений исследованы: удельный вес осужденных к реальному лишению свободы за убийство в России за период с 2003 по 2021 г.; удельный вес осужденных к реальному лишению свободы в общей массе осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в России за период с 2003 по 2021 г.; количество осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; удельный вес осужденных к лишению свободы за изнасилование, совершенное с отягчающими обстоятельствами, в России в период с 2003 по 2021 г.; количество осужденных за получение взятки в России в период с 2007 по 2021 г.; структура наказуемости получения взятки в России в период с 2007 по 2021 г. В заключение сделаны выводы о наблюдаемой тенденции к снижению удельного веса рассматриваемого вида наказания с 88 % в 2003 г. до 57 % в 2021 г., достигаемого преимущественно за счет снижения числа лишения свободы, назначаемого условно, а также о проблемах наблюдаемой практики избрания наказания в виде лишения свободы по конкретным составам преступлений. В частности, указано на недопустимость признания практики назначения наказания в виде лишения свободы за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью корректной и соответствующей позиции законодателя, а также на обоснованность снижения частоты выбора наказания в виде лишения свободы (особенно назначаемого условно) в отношении лиц, получивших взятку при отягчающих обстоятельствах, в том числе в значительном, крупном, особо крупном размере.

Ключевые слова: лишение свободы; условное лишение свободы; правоприменительная практика; статистика назначения наказания; система наказаний; убийство; тяжкий вред здоровью; изнасилование; получение взятки.

Для цитирования: Маслов В. А. Доминирование лишения свободы в структуре назначаемых наказаний: проблемы правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 3. — С. 131–145. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.131-145.

© Маслов В. А., 2023

* Маслов Вилли Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России
ул. Корепина, д. 66, г. Екатеринбург, Россия, 620017
villi@e1.ru

Deprivation of Liberty Dominance in the Structure of Imposed Sentences: Problems of Law Enforcement Practice

Villi A. Maslov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Research and Editorial and Publishing Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Korepina, d. 66, Ekaterinburg, Russia, 620057
villi@e1.ru

Abstract. The paper examines the practice of imprisonment sentencing in Russia since the early 2000s until 2021. Using diagrams, in the context of the issue under consideration, the structure of the author scrutinizes criminal penalties imposed in Russia at the end of 2021; the number and proportion of those sentenced to imprisonment in Russia in the period from 2003 to 2021. As part of the analysis of the practice of applying imprisonment sentence for certain categories of crimes, the author studies the following: the proportion of those sentenced to real imprisonment for murder in Russia for the period from 2003 to 2021; the share of those sentenced to real imprisonment in the total mass of those convicted for intentionally causing grievous bodily harm in Russia for the period from 2003 to 2021; the number of people convicted of intentionally causing grievous bodily harm; the proportion of those sentenced to imprisonment for aggravated rape in Russia in the period from 2003 to 2021; the number of people convicted of taking bribes in Russia from 2007 to 2021; the structure of punishment for accepting a bribe in Russia in the period from 2007 to 2021. The author draws conclusions about the observed trend of reducing the share of the considered type of punishment from 88% in 2003 to 57% in 2021, achieved mainly by reducing the number of suspended sentences, as well as about the problems of the observed practice of choosing punishment in the form imprisonment for specific offenses. In particular, it is pointed out that it is inadmissible to recognize the practice of imposing imprisonment sentences for intentional infliction of grievous bodily harm as the correct and appropriate position of the legislator, as well as the validity of reducing the frequency of choice of punishment in the form of imprisonment (especially suspended) in relation to persons who received a bribe under aggravating circumstances, including in a significant, large, especially large amount.

Keywords: imprisonment; suspended sentence; law enforcement practice; sentencing statistics; system of punishments; murder; serious harm to health; rape; receiving a bribe.

Cite as: Maslov VA. Dominirovanie lisheniya svobody v strukture naznachaemykh nakazaniy: problemy pravoprimenitel'noy praktiki [Deprivation of Liberty Dominance in the Structure of Imposed Sentences: Problems of Law Enforcement Practice]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(3):131-145. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.131-145. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Вопросы системы уголовных наказаний представляются как никогда актуальными, что предопределено противоречиями между практикой применения отдельных видов наказаний и доктринальными воззрениями на эффективность их применения относительно отдельных категорий преступников. С учетом того обстоятельства, что наиболее часто применяемым наказанием выступает лишение свободы, видится целесообразным обращение к вопросу соответствия практики при-

менения данного вида наказаний объективным закономерностям общественного развития.

Очевидно, что одной из ключевых задач, стоящих перед государством в лице как представительных (законодательных), так и федеральных органов исполнительной власти при решении проблем борьбы с преступностью, является нормативное закрепление и обеспечение целесообразной применяемости лишения свободы с учетом ограниченных возможностей пенитенциарной системы и существенных затрат на ее содержание, о чем говорят как зарубежные¹,

¹ Salib P. Why Prison? An Economic Critique (March 6, 2017) // *Berkeley Journal of Criminal Law*. 2017, Forthcoming. P. 60.

так и отечественные исследователи. К примеру М. М. Бабаев отмечает, что «чем больше заключенных, тем выше расходы на их содержание, а также на содержание охраны и иного персонала, на создание новых и поддержание инфраструктуры уже функционирующих мест лишения свободы»².

Ключевым показателем эффективности данной деятельности является последующее сознательное правомерное поведение лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Отсутствие корректной деятельности в указанном направлении подтверждается существенными проблемами рецидивной преступности, это опять же актуализирует тезисы ученых, утверждающих о том, что тюремное заключение должно применяться не с целью изоляции преступника от общества, а с целью «изменения их мировоззрения с помощью эффективных мер в течение срока их наказания»³. Вместе с тем организация данных мер с очевидностью требует существенных экономических ресурсов.

При этом обозначенная Ю. В. Недотко еще в начале 2000-х г. в качестве первостепенной задача снятия нагрузки с пенитенциарной системы посредством сокращения удельного веса лишения свободы в числе назначаемого наказания⁴ фактически нивелирована практикой повсеместного назначения данного вида наказания.

С учетом указанного в качестве научной проблемы настоящего исследования выступают вопросы применения лишения свободы относительно конкретных составов преступлений, снижающие эффективность уголовной политики и препятствующие достижению целей Уголовного кодекса РФ и задач наказания.

Методология

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что на основе статистики назначения наказания в виде лишения свободы можно делать выводы о необходимости корректировки правоприменительной практики как минимум относительно отдельных видов преступлений.

В целях подтверждения данной гипотезы и выработки рекомендаций по коррекции правоприменительной практики на основе диалектико-материалистического метода познания с использованием метода статистического анализа исследованы статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, характеризующие:

- структуру назначаемых в России уголовных наказаний по итогам 2021 г.;
- количество осужденных к лишению свободы в России, а также удельный вес осужденных к лишению свободы в общей массе осужденных в России в период с 2003 по 2021 г.;
- удельный вес осужденных к реальному лишению свободы за убийство в России за период с 2003 по 2021 г.;
- удельный вес осужденных к реальному лишению свободы в общей массе осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в России за период с 2003 по 2021 г.;
- количество осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью;
- удельный вес осужденных к лишению свободы за изнасилование, совершенное с отягчающими обстоятельствами в России в период с 2003 по 2021 г.;
- количество осужденных за получение взятки в России в период с 2007 по 2021 г.;
- структура наказуемости получения взятки в России в период с 2007 по 2021 г.

² Бабаев М. М. Роль государства в снижении тяжести социальных последствий преступности // Современные проблемы уголовной политики : сборник по результатам международной научно-практической конференции / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. С. 50.

³ Rai Neetij. Theories of Punishment with Special Focus on Reformatory Theory (May 5, 2010).

⁴ Недотко Ю. В. Тенденции российской уголовно-правовой политики постсоветского периода : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 8.

Основные результаты исследования

1. Лишение свободы в структуре назначаемых наказаний

В первую очередь стоит обозначить в виде диаграммы структуру назначаемых в России уголовных наказаний по итогам 2021 г.⁵ (диагр. 1):

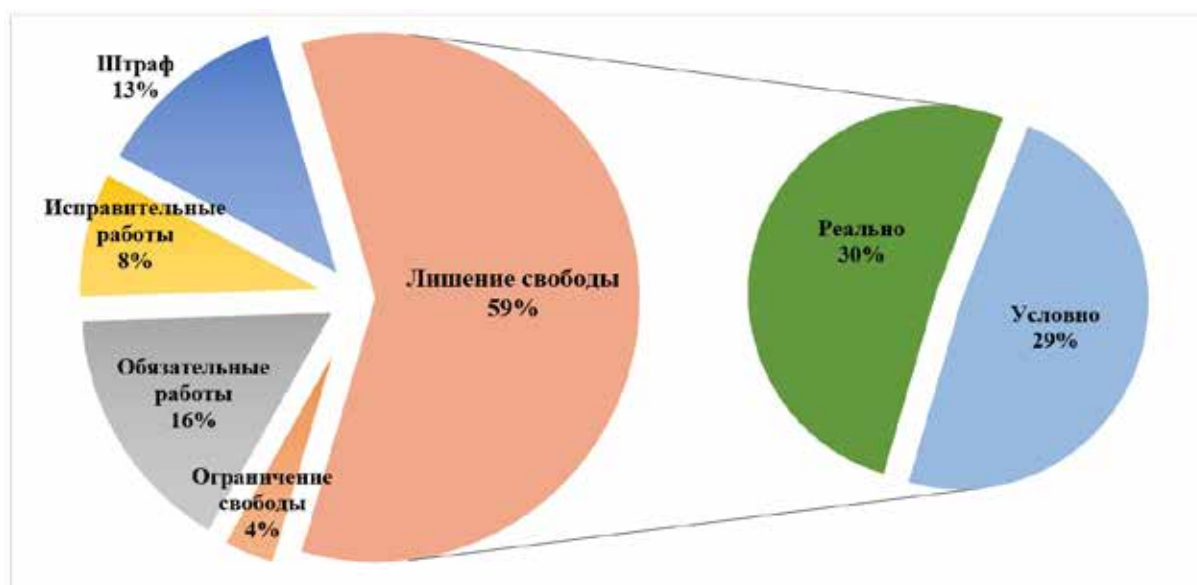
Сразу оговоримся, что ввиду сравнительной редкости применения на диаграмме не отра-

мого условно, к примеру, в 2007 г. составлявшего все 44,8 % (что позволяло авторам говорить о явном «переборе»⁷ с данным видом наказания), даже «исключив» условное лишение свободы, данный вид наказания будет преобладающим в структуре избираемых судами мер уголовной ответственности.

Представление о доминирующем положении лишения свободы будет неполным без указания

Диаграмма 1

Структура назначаемых в России уголовных наказаний по итогам 2021 г.

жено: осуждение условно к иным мерам (2 %), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, принудительные работы, ограничения по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части (менее 1 %).

Доминирование лишения свободы, отмечаемое авторами⁶, очевидно, что еще раз подчеркивает актуальность заявленной проблематики. Несмотря на то что, хотя и наблюдается снижение удельного веса лишения свободы, назначае-

динамики избрания данного вида наказания (диагр. 2).

Как мы видим, свойственный 2021 г. паритет лишения свободы, назначаемого реально и условно, в целом присущ периоду с 2012 г. (за исключением 2015 г., когда осужденных условно было на 19 % меньше, чем осужденных реально). Период с 2003 по 2012 г. можно охарактеризовать как период постепенного отказа от осуждения к условному лишению свободы.

⁵ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 12.07.2022).

⁶ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // Уголовное право. 2010. № 4. С. 114.

⁷ Наумов А. В. Об уголовной политике в области назначения и исполнения наказания // Вестник Академии генеральной прокуратуры РФ. 2008. № 4. С. 6.

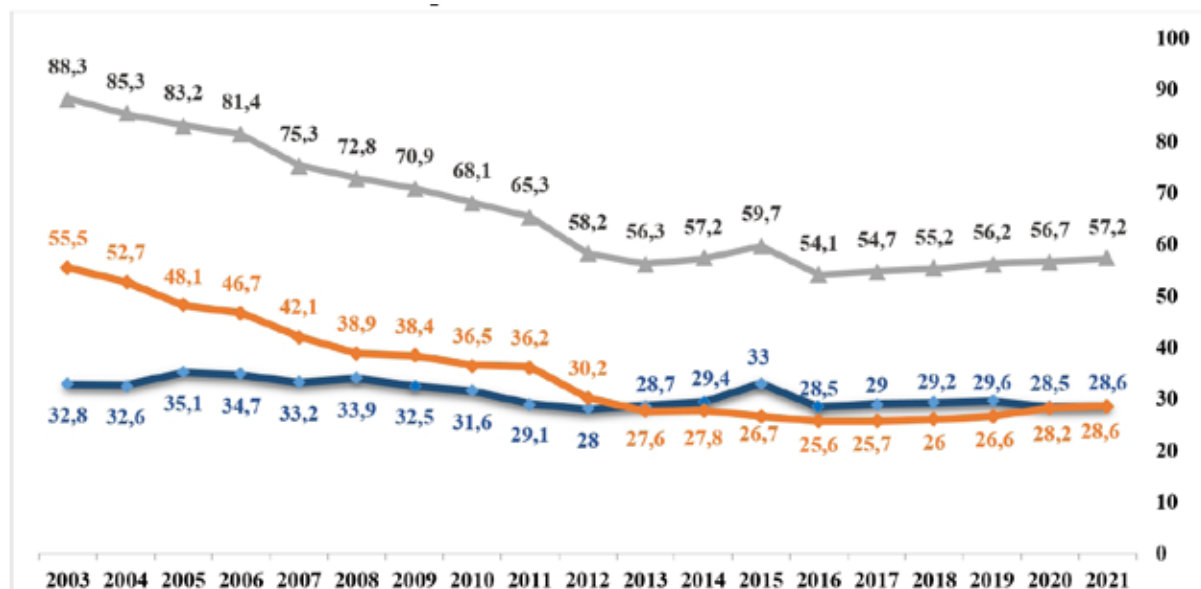
Диаграмма 2

**Количество осужденных к лишению свободы в России в период с 2003 по 2021 г.
(тысяч осужденных)**

Диаграмма 3

**Удельный вес осужденных к лишению свободы в общей массе осужденных в России
в период с 2003 по 2021 г. (%)**

Данную тенденцию можно обнаружить, сопоставив удельный вес осужденных к реальному (условному) лишению свободы в общем числе осужденных (диагр. 3).

Если в 2003 г. лишение свободы назначалось 9 из 10 осужденных, то спустя десятилетие уже

лишь в отношении 6 из 10 выбирался данный вид наказания. Что характерно, несмотря на существенное снижение количества осужденных — с 774 тыс. в 2003 г. до 565 тыс. в 2021 г., в отношении каждого третьего по-прежнему избирается наказание в виде реального лишения свободы.

Указанные показатели свидетельствуют о том, что некогда негативная тенденция 1991–2006 гг. к значительному возрастанию доли осужденных к лишению свободы⁸ сошла на нет, по крайней мере в части осужденных к лишению свободы условно. Однако говорить о том, что решена проблема переоценки лишения свободы как практически единственного вида наказания и, соответственно, недооценки иных видов уголовных наказаний⁹, не приходится.

2. Лишение свободы в отношении осужденных за отдельные составы преступлений

Имея некоторое общее представление о назначении лишения свободы с учетом доктринально признанной необходимости избирать именно лишение свободы для лиц, совершив-

ших наиболее общественно опасные деяния (в первую очередь насильственные¹⁰), стоит проанализировать практику назначения данного вида наказания по ряду составов Особенной части УК РФ.

2.1. Убийство

Начать стоит с исследования динамики наказуемости лишением свободы осужденных за убийство (ст. 105 УК РФ) (диагр. 4).

Вне указанных процентов находятся осужденные, в отношении которых назначалось, к примеру, условное лишение свободы (в 2021 г. таковых по ч. 1 ст. 105 УК РФ 17 осужденных, по ч. 2 ст. 105 УК РФ — четверо осужденных). В данном случае уместна точка зрения В. А. Номоконова, утверждающего, что ситуациям, когда при назначении наказания в виде лишения свободы

Диаграмма 4

Удельный вес осужденных к реальному лишению свободы за убийство в России в период с 2003 по 2021 г. (%)

⁸ Наумов А. В. Указ. соч. С. 4.

⁹ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Указ. соч. С. 111.

¹⁰ Pfaff J. F. Escaping from the Standard Story: Why the Conventional Wisdom on Prison Growth is Wrong, and Where We Can Go from Here (March 25, 2014) // Federal Sentencing Reporter, Forthcoming. Fordham Law Legal Studies Research Paper No. 2414596. P. 7.

на длительные сроки допускается условное осуждение, нет аналогов в мировой практике¹¹.

Представляется, что указанную на диаграмме последовательность можно в целом оценить положительно, однако нельзя оставить без внимания то факт, что в 2003–2008 гг. ежегодно более 300 лиц не осуждались к реальному лишению свободы (к примеру, в 2004 г. 481 осужденный). Назвать данную практику корректной не представляется возможным, поскольку сколь неоспорима существенная общественная опасность убийства, столь же неоспоримы необходимые меры ответственности в отношении лиц, пренебрегающих правом на жизнь. Вполне справедливо А. В. Наумов характеризовал отрицательно практику назначения наказания за убийство при отягчающих обстоятельствах (пожизненное лишение свободы, назначаемое лишь в 0,6 % случаев, и наказание свыше 15 и до 20 лет лишения свободы — менее 14 %), указывая на необходимость избирать пожизненное лишение свободы или хотя бы в половине случаев лишение свободы в рамках санкции, но ближе к ее максимуму¹².

Справедливости ради отметим, что пожизненное лишение свободы избиралось за убийство при отягчающих обстоятельствах в 2003–2007 гг. в отношении 1–2 % осужденных, в период с 2008 по 2021 г. — в отношении 2,2–3,7 % осужденных. Что касается абсолютных показателей, то в свое время указанный авторами рост числа осужденных к пожизненному лишению свободы (2006 г. — 45; 2007 г. — 68; 2008 г. — 64; 2009 г. — 65¹³) остановился на уровне 52–72 осужденных ежегодно (2007–2018 гг.), а в пери-

од с 2019 по 2021 г. таковых уже 35, 34 и 28 соответственно. Рост относительных и снижение абсолютных показателей назначения пожизненного лишения свободы можно объяснить существенным уменьшением количества фактов осуждения за убийство при отягчающих обстоятельствах (с 6 303 осужденных в 2003 г. или 3 890 — в 2007 г. до 1 073 — в 2021 г.). Можно ли назвать подобную практику соответствующей точке зрения о необходимости «более решительно» прибегать к наказанию в виде лишения свободы, ограничению физической возможности лиц, совершающих тяжкие насильственные преступления, совершать новые преступления¹⁴, вопрос в целом дискуссионный.

С учетом представленной динамики, а также точки зрения о приоритетности «искупительного правосудия», нежели «карательного», и о необходимости минимизации выбора наказания в виде пожизненного лишения свободы¹⁵ видится преждевременным высказанная А. В. Наумовым мысль о необходимости «прислушаться к предложениям об ужесточении ответственности и наказания за некоторые виды убийства при квалифицирующих обстоятельствах (например, двух или более лиц, сопряженное с похищением человека либо с захватом заложника, с применением пыток или особо мучительным способом)... и предусмотреть за такие преступления лишь пожизненное лишение свободы»¹⁶.

Несмотря на наличие исследований, утверждающих о существовании прямой зависимости между ужесточением наказания и числом регистрируемых преступлений (например, точка зрения Э. Ф. Побегайло, основанная на опыте

¹¹ Номоконов В. А. Некоторые проблемы оптимизации борьбы с преступностью в России // Общество & человек. 2001. № 1. С. 55; Он же. Преступная «декриминализация» // Криминология: вчера сегодня, завтра. 2012. № 3 (26). С. 49.

¹² Наумов А. В. Указ. соч. С. 7.

¹³ Побегайло Э. Ф. Смертная казнь как эффективная мера общественной безопасности // Публичное и частное право. 2010. № 3. С. 26.

¹⁴ Побегайло Э. Ф. Тенденции современной преступности и кризис российской уголовной политики // Публичное и частное право. 2011. № 4. С. 52.

¹⁵ Lopez R., Carter T., Songster K. Redeeming Justice (November 11, 2020) // 116 NW. U. L. Rev. 315 (2021). P. 382.

¹⁶ Наумов А. В. Уголовная политика в области назначения и исполнения наказания: противоречие между законодательным идеалом и практикой // Вестник института. Научно-практический журнал Волгоградского института права и экономики ФСИН. 2009. № 5. С. 7.

борьбы с убийствами, кражами и разбойными нападениями в США¹⁷), назвать данную точку зрения общепризнанной нельзя. Всё чаще мы убеждаемся в истинности высказанной еще в XVIII в. Ч. Беккариа идеи о приоритете неотвратимости наказания над его суровостью, и ученые в контексте гуманизации уголовного наказания всё чаще говорят о возможности снижения применения видов наказаний, связанных с лишением свободы, поскольку «применение наказания слабо влияет на снижение уровня преступности, уголовное наказание, как правило, не достигает целей исправления преступника, восстановления справедливости, и, как следствие, наказание не является действенным средством противодействия преступности»¹⁸.

2.2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью с отягчающими обстоятельствами

Еще одним распространенным преступлением, последствием которого выступает, как и при убийстве, смерть потерпевшего (фактическая близость данных составов подтверждается и фактами апелляционных жалоб с целью переквалификации ст. 105 на ч. 4 ст. 111 УК РФ¹⁹) и наказуемость которого сходна с наказуемостью убийства без отягчающих обстоятельств (по крайней мере по верхнему пределу наказания в виде лишения свободы, составляющего 15 лет), является умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего.

Высокая общественная опасность и невосполнимые последствия данного деяния являются предпосылкой к замечаниям ученых, утверждающих о необходимости уделять большее внимание вопросу соразмерности назначаемых за его совершение наказаний²⁰.

Указанные обстоятельства, а также утверждение, что лишение свободы может быть эффективной мерой в отношении неосторожных деяний, повлекших тяжкие последствия²¹, с учетом того, что данный состав относится к составам с двойной формой вины (по ч. 4 ст. 111 УК РФ), видится обоснованным обратиться к практике назначения лишения свободы осужденным за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (диагр. 5).

С одной стороны, мы наблюдаем относительную стабильность в части выбора реального лишения свободы в отношении лиц, причинивших тяжкий вред здоровью без отягчающих обстоятельств (каждый четвертый осужденный). С другой стороны, мы видим существенное снижение наказуемости лишением свободы умышленного причинения тяжкого вреда здоровью с отягчающими обстоятельствами с 2015 г. Так, если ранее лишь 1 из 10 осужденных по ч. 2–4 ст. 111 УК РФ не привлекался к реальному лишению свободы, то с 2015 г. — уже 3 из 10.

Объяснение данному обстоятельству стоит искать в корректировках уголовного закона 2014 г.²², предусмотревших дополнение ч. 2 ст. 111 УК РФ пунктом «з» — «с применением

¹⁷ Побегайло Э. Ф. Тенденции современной преступности и кризис российской уголовной политики. С. 52.

¹⁸ Мельниченко А. Б. Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 44.

¹⁹ См., например: апелляционное определение Верховного Суда РФ от 30.01.2014 № 60-АПУ13-14; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.08.2021 № 36-УД21-8-А1.

²⁰ Наумов А. В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый уголовный кодекс или новая редакция кодекса // Уголовное право. 2009. № 4. С. 46 ; Наумов А. В. О законодательных критериях конкретизации принципа справедливости наказания при его назначении // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты : материалы научно-практической конференции. Рязань, 2016. С. 35.

²¹ Козаев Н. Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 12.

²² Федеральный закон от 21.07.2014 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия» // Российская газета. № 163. 23.07.2014.

Диаграмма 5

Удельный вес осужденных к реальному лишению свободы в общей массе осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в России за период с 2003 по 2021 г. (%)

Диаграмма 6

Количество осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ед.)

оружия или предметов, используемых в качестве оружия».

Для иллюстрации сказанного приведем динамику количества лиц, осужденных за умыш-

ленное причинение тяжкого вреда здоровью (диагр. 6).

Очевидно, что увеличение числа осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда

здоровью с отягчающими обстоятельствами в 2015 г. более чем на 10 тыс. (в сравнении с 2014 г.) и одновременное уменьшение числа осужденных по ч. 1 ст. 111 УК РФ на более чем 12 тыс. (также в сравнении с 2014 г.) является следствием законодательных корректировок.

Позволим себе предположить, что цель изменения наказуемости умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в случае применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, predetermined более высокой степенью общественной опасности в случае совершения данного преступления с использованием оружия (или предметов, используемых в качестве оружия) в сравнении с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью без таковых. Важно и то, что указанное обстоятельство уже было признано в качестве отягчающего наказания (ст. 63 УК РФ), соответственно, законодательные изменения 2014 г. свидетельствуют о том, что учет данного обстоятельства в качестве отягчающего в рамках ч. 1 ст. 111 УК РФ признан недостаточным.

Данные диаграммы в своей совокупности свидетельствуют о правоприменительной практике осуждения 2 из 10 осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью с использованием оружия (или предметов, используемых в качестве оружия) к условному лишению свободы, что, как представляется, не соответствует позиции законодателя.

Даже с учетом того, что абсолютные показатели судимости по ст. 111 УК РФ за последние 15 лет свидетельствуют о снижении числа осужденных более чем в два раза, думается, что это лишь отчасти следствие эффективной уголовно-правовой политики противодействия умышленному причинению тяжкого вреда здоровью. Представляется, что в большей мере данное снижение predetermined оздоровлением российского общества. Что же касается правоприменительной практики назначения условного лишения свободы за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное с использованием оружия или предметов, используемых в качестве оружия, то подчеркнем, что корректность данного подхода можно будет оценить спустя некоторый

период времени (хотя уже сейчас мы видим, что стабильное снижение числа осужденных с 2008 по 2020 г. сменилось хотя и небольшим, но ростом в 2021 г.).

2.3. Изнасилование

С учетом высокой общественной опасности изнасилования, особенно совершенного при наличии признаков, указанных в ч. 2–5 ст. 131 УК РФ, видится обоснованным проанализировать показатели наказуемости данного деяния реальным лишением свободы (диагр. 7).

Приведенная динамика свидетельствует о следующем:

1. Наблюдается увеличение числа осужденных к лишению свободы за изнасилование с отягчающими обстоятельствами (с 80,5 % в 2003 г. до 94,8 % в 2021 г.), при этом заметно снижение как числа осужденных по ч. 2 ст. 131 УК РФ (с 3 810 в 2007 г. до 466 в 2021 г.), так и их удельного веса среди всех осужденных за изнасилование (с 59,8 % в 2007 г. до 29,2 % в 2021 г.). Указанные обстоятельства свидетельствуют о чрезмерно гуманном подходе правоприменителя в начале 2000-х г. к лицам, совершившим половое сношение против воли несовершеннолетней (или результатом которого было причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью потерпевшей, заражение ее ВИЧ-инфекцией или иные тяжкие последствия).

2. Наблюдается стабильно высокая доля осужденных к реальному лишению свободы за изнасилование с особо отягчающими обстоятельствами, что вполне оправданно ввиду существенного роста как числа осужденных по ч. 3–5 ст. 131 УК РФ за период с 2003 по 2007 г. (со 115 до 485 осужденных соответственно), так и удельного веса в числе осужденных по ст. 131 УК РФ (с 1,8 % в 2003 г. до 30,4 % в 2021 г.).

2.4. Взятничество

В. А. Номоконов вполне справедливо утверждает о необходимости в целях борьбы с коррупцией как угрозой национальной безопасности ограничить применение «институтов назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, условного осуждения и условно-досрочного освобождения от наказания к должностным лицам, совершившим присвоение вверенного имущества при отягчающих и

Диаграмма 7

Удельный вес осужденных к лишению свободы за изнасилование, совершенное с отягчающими обстоятельствами в России в период с 2003 по 2021 г. (%)

особо отягчающих обстоятельствах или получившим взятку при таких же обстоятельствах»²³.

С учетом изложенного видится уместным представить динамику осуждения за взяточничество (диагр. 8).

Во-первых, заметим, что за получение взятки в период с 2007 по 2021 г. осуждалось в среднем от 1 000 до 2 000 человек, однако структура осужденных изменилась кардинально: если в 2007 г. лишь каждый десятый (10,6 %) осуждался за получение взятки с отягчающими обстоятельствами, то с 2015 г. таковых уже от 78,8 % (в 2017 г.) до 84,6 % (в 2020 г.).

Во-вторых, говоря о наказуемости взяточничества, можно отметить существенные различия в зависимости от наличия или отсутствия отягчающих обстоятельств.

Стоит отметить, что за взяточничество без отягчающих обстоятельств (диаг. 9) наказы-

вается реальным лишением свободы в среднем один-два человека из 10 (меньше всего в 2012–2014 гг.), количество осужденных условно в период 2007–2011 гг. составляло 5–7 человек из 10, в период с 2012 по 2015 г. — каждый десятый, с 2016 г. наблюдается последовательный рост до 4 осужденных из 10 (40,5 % в 2021 г.).

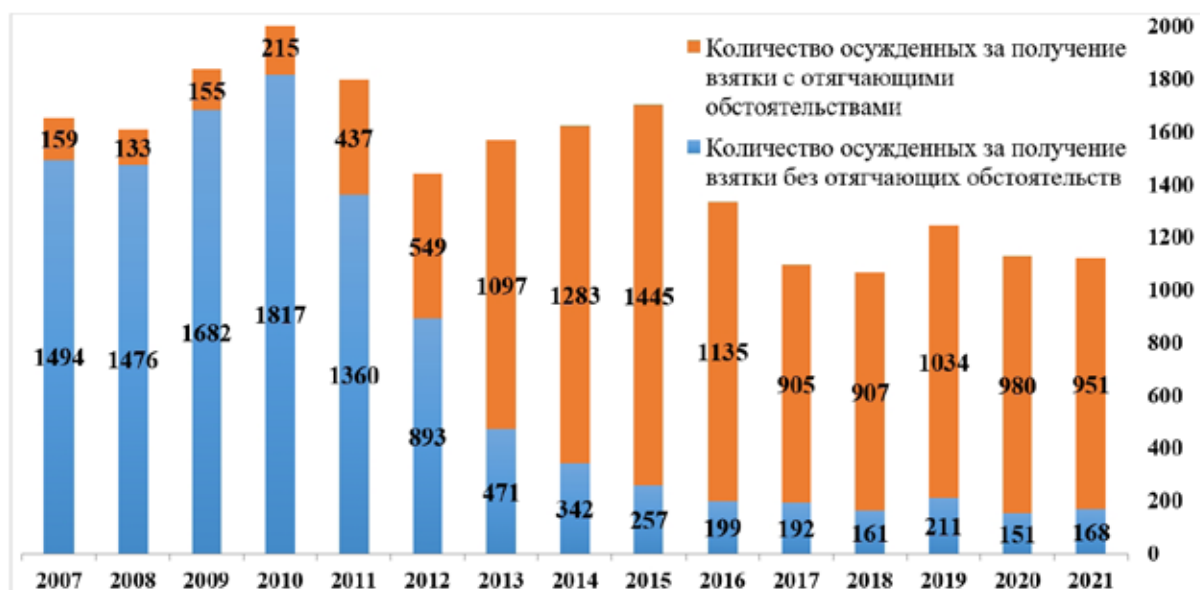
Динамика наказания осужденных за получение взятки при отягчающих обстоятельствах выглядит существенно иначе (диагр. 10).

Принимая в расчет тот факт, что для лиц, совершающих корыстные должностные преступления, предпочтительнее избирать наказание, связанное с лишением имущественных прав, и лишь при невозможности назначения такового прибегать к лишению свободы, указанная динамика не может быть оценена положительно. Важно и то, что росту удельного веса наказания в виде лишения свободы за получение взятки

²³ См., например: Номоконов В. А. Проблемы формирования антикоррупционной политики в России // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2007. № 4. С. 49.

Диаграмма 8

Количество осужденных за получение взятки в России в период с 2007 по 2021 г. (ед.)

с отягчающими обстоятельствами сопутствует отсутствие повсеместного применения штрафа. Так, по итогам 2021 г. лишь в отношении каждого пятого (19,6 %) осужденного за получение взятки при отягчающих обстоятельствах, в том числе в значительном, крупном, особо крупном размере (ч. 2, 5–6 и ч. 4 в старой редакции ст. 290 УК РФ), в качестве основного наказания был избран штраф, тогда как каждый четвертый

(25,8 %) был приговорен к условному лишению свободы. Сходная ситуация и в 2020 г. (22,1 % осуждены к штрафу и 25,6 % — к условному лишению свободы).

Несмотря на то что тенденцию к отказу от условного лишения свободы (поскольку в 2011 г. к данному виду наказания по ч. 2, 5–6 и ч. 4 в старой редакции ст. 290 УК РФ привлекались 4 из 10 осуждаемых (42,2 %)) стоит характери-

Диаграмма 9

Структура наказуемости получения взятки (ч. 1–2 ст. 290 УК РФ) в России в период с 2007 по 2021 г. (%)

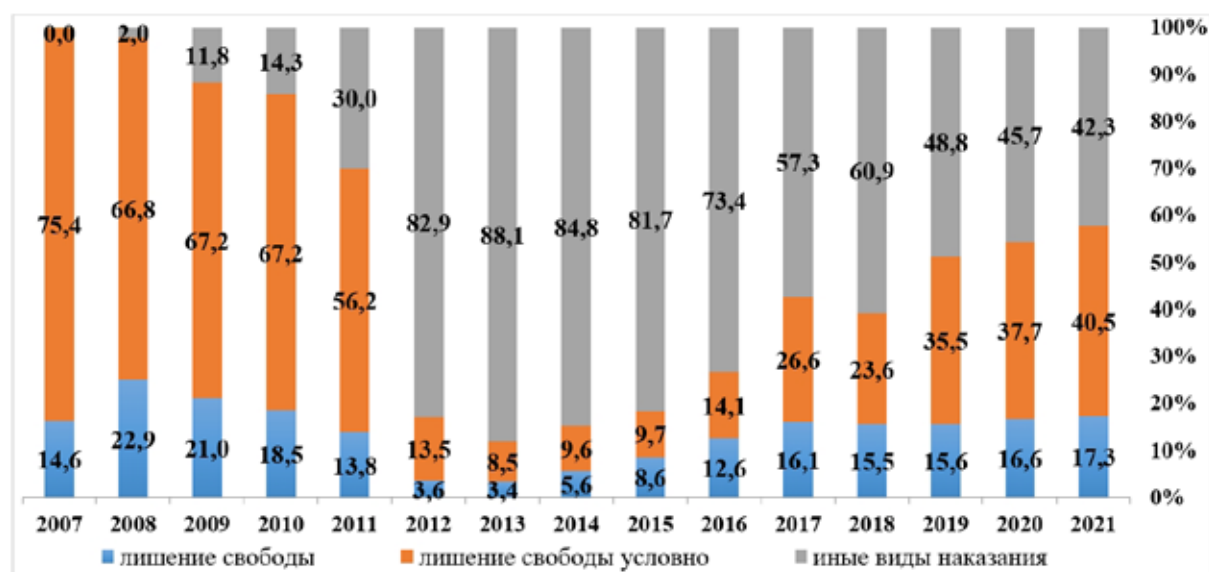
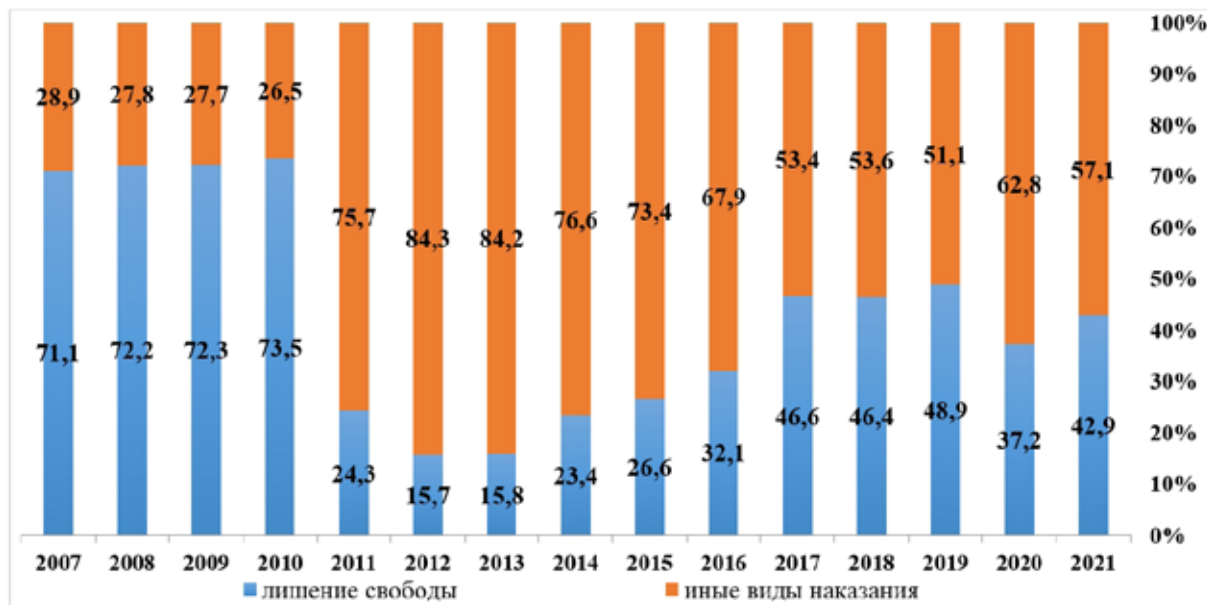

Диаграмма 10

Структура наказуемости получения взятки при отягчающих обстоятельствах (ч. 3–6 ст. 290 УК РФ) в России за период с 2007 по 2021 г.

зывать положительно, можно предположить, что есть ресурсы для снижения частоты выбора наказания в виде лишения свободы (особенно назначаемого условно) в отношении лиц, получивших взятку при отягчающих обстоятельствах, в том числе в значительном, крупном, особо крупном размере.

В заключение стоит отметить:

1. Доминирование лишения свободы над иными видами наказания наблюдается на протяжении всего исследуемого периода, вместе с тем очевидно и снижение удельного веса данного вида наказания с 88 % в 2003 г. до 57 % в 2021 г., достигаемого преимущественно за счет снижения числа лишения свободы, назначаемого условно.

2. Относительно отдельных видов преступлений:

а) практику назначения наказания в виде лишения свободы за убийство можно характеризовать положительно, поскольку, во-первых, более 99 % виновных осуждаются к реальному лишению свободы и, во-вторых, наблюдается увеличение лиц, привлекаемых к пожизненному лишению свободы (с 1–2 % осужденных в период с 2003 по 2007 г. до 2,2–3,7 % в период с 2008 по 2021 г.). Однако на тот факт, что в 2003–

2008 гг. ежегодно более 300 лиц не осуждались к реальному лишению свободы (к примеру, в 2004 г. 481 осужденный), необходимо обратить особое внимание и предостеречь правоприменителя от подобных решений в дальнейшем;

б) практику назначения наказания в виде лишения свободы за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью корректно назвать нельзя. Здесь налицо противоречие между позицией законодателя, признавшего факт применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, обстоятельством, свидетельствующим о существенно большей общественной опасности и требующей соответствующей оценки, и позицией суда, назначающего за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, наказание в виде условного лишения свободы. Наша точка зрения состоит в том, что подобный подход можно рассматривать как одну из причин замедления стабильного снижения числа осужденных по ст. 111 УК РФ с 2008 по 2020 г., окончившегося ростом в 2021 г. Подобная практика нуждается в коррекции в сторону более широкого применения лишения свободы за умышленное причинение тяжкого вреда здоро-

вью, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

в) коррекцию практики избрания лишения свободы за деяния, ответственность за которые предусмотрена частью 2 ст. 131 УК РФ, 2000-х гг. (когда 2 из 10 осужденных не привлекались к лишению свободы), мы считаем обоснованной ввиду необходимости правовой охраны половой свободы несовершеннолетних;

г) поскольку отказ от практикуемого до 2010 г. применения в 7 случаях из 10 в отношении лиц, получивших взятку с отягчающими обстоя-

тельствами, наказания в виде лишения свободы не привел к росту числа данных преступлений, фактически двукратное увеличение удельного веса лишения свободы, назначаемого за данные деяния, в период с 2011 по 2021 г. стоит характеризовать отрицательно. В качестве рекомендации правоприменителю можно предложить снизить частоту выбора наказания в виде лишения свободы (особенно назначаемого условно) в отношении лиц, получивших взятку при отягчающих обстоятельствах, в том числе в значительном, крупном, особо крупном размере.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабаев М. М.* Роль государства в снижении тяжести социальных последствий преступности // Современные проблемы уголовной политики : сборник по результатам международной научно-практической конференции / под ред. А. Н. Ильяшенко. — Краснодар, 2014. — С. 40–54.
2. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // Уголовное право. — 2010. — № 4. — С. 109–115.
3. *Козаев Н. Ш.* Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Краснодар, 2016. — 61 с.
4. *Мельниченко А. Б.* Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов н/Д, 2009. — 59 с.
5. *Наумов А. В.* О законодательных критериях конкретизации принципа справедливости наказания при его назначении // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты : материалы научно-практической конференции. — Рязань, 2016. — С. 32–38.
6. *Наумов А. В.* Об уголовной политике в области назначения и исполнения наказания // Вестник Академии генеральной прокуратуры РФ. — 2008. — № 4. — С. 3–8.
7. *Наумов А. В.* Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый уголовный кодекс или новая редакция кодекса // Уголовное право. — 2009. — № 4. — С. 44–48.
8. *Наумов А. В.* Уголовная политика в области назначения и исполнения наказания: противоречие между законодательным идеалом и практикой // Вестник института. Научно-практический журнал Волгоградского института права и экономики ФСИН. — 2009. — № 5. — С. 3–9.
9. *Недотко Ю. В.* Тенденции российской уголовно-правовой политики постсоветского периода : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2005. — 25 с.
10. *Номоконов В. А.* Некоторые проблемы оптимизации борьбы с преступностью в России // Общество & человек. — 2001. — № 1. — С. 55–60.
11. *Номоконов В. А.* Преступная «декриминализация» // Криминология: вчера сегодня, завтра. — 2012. — № 3 (26). — С. 48–57.
12. *Номоконов В. А.* Проблемы формирования антикоррупционной политики в России // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2007. — № 4. — С. 39–52.
13. *Побегайло Э. Ф.* Смертная казнь как эффективная мера общественной безопасности // Публичное и частное право. — 2010. — № 3. — С. 24–36.
14. *Побегайло Э. Ф.* Тенденции современной преступности и кризис российской уголовной политики // Публичное и частное право. — 2011. — № 4. — С. 47–66.
15. *Lopez R., Carter T., Songster K.* Redeeming Justice (November 11, 2020) // 116 NW. U. L. Rev. — 315 (2021). — P. 315–382.

16. Pfaff J. F. Escaping from the Standard Story: Why the Conventional Wisdom on Prison Growth is Wrong, and Where We Can Go from Here (March 25, 2014) // Federal Sentencing Reporter, Forthcoming. — Fordham Law Legal Studies Research Paper No. 2414596. — 19 p.
17. Rai Neetij. Theories of Punishment with Special Focus on Reformatory Theory (May 5, 2010). — 6 p.
18. Salib P. Why Prison?: An Economic Critique (March 6, 2017) // Berkeley Journal of Criminal Law. — 2017, Forthcoming.

Материал поступил в редакцию 10 августа 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Babaev M. M. Rol gosudarstva v snizhenii tyazhesti sotsialnykh posledstviy prestupnosti // Sovremennye problemy ugovolnoy politiki: sbornik po rezultatam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod red. A. N. Ilyashenko. — Krasnodar, 2014. — S. 40–54.
2. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Kontsentratsiya repressii kak printsip ugovolnoy politiki // Ugolovnoe pravo. — 2010. — № 4. — S. 109–115.
3. Kozaev N. Sh. Sovremennye problemy ugovolnogo prava, obuslovlennye nauchno-tekhnicheskimi progressom: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Krasnodar, 2016. — 61 s.
4. Melnichenko A. B. Ugolovno-pravovye sredstva obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Rostov n/D, 2009. — 59 s.
5. Naumov A. V. O zakonodatelnykh kriteriyakh konkretizatsii printsiipa spravedlivosti nakazaniya pri ego naznachenii // Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya ugovolnogo prava Rossiyskoy Federatsii: nauchnye i uchebno-metodicheskie aspekty: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Ryazan, 2016. — S. 32–38.
6. Naumov A. V. Ob ugovolnoy politike v oblasti naznacheniya i ispolneniya nakazaniya // Vestnik Akademii generalnoy prokuratury RF. — 2008. — № 4. — S. 3–8.
7. Naumov A. V. Problemy kodifikatsii rossiyskogo ugovolnogo zakonodatelstva: novyy ugovolnyy kodeks ili novaya redaktsiya kodeksa // Ugolovnoe pravo. — 2009. — № 4. — S. 44–48.
8. Naumov A. V. Ugolovnaya politika v oblasti naznacheniya i ispolneniya nakazaniya: protivorechie mezhdru zakonodatelnyim idealom i praktikoy // Vestnik instituta. Nauchno-prakticheskiy zhurnal Volgogradskogo instituta prava i ekonomiki FSIN. — 2009. — № 5. — S. 3–9.
9. Nedotko Yu. V. Tendentsii rossiyskoy ugovolno-pravovoy politiki postsovetetskogo perioda: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2005. — 25 s.
10. Nomokonov V. A. Nekotorye problemy optimizatsii borby s prestupnostyu v Rossii // Obshchestvo & chelovek. — 2001. — № 1. — S. 55–60.
11. Nomokonov V. A. Prestupnaya «dekriminalizatsiya» // Kriminologiya: vchera segodnya, zavtra. — 2012. — № 3 (26). — S. 48–57.
12. Nomokonov V. A. Problemy formirovaniya antikorrupsionnoy politiki v Rossii // Tamozhennaya politika Rossii na Dalnem Vostoke. — 2007. — № 4. — S. 39–52.
13. Pobegaylo E. F. Smertnaya kazn kak effektivnaya mera obshchestvennoy bezopasnosti // Publichnoe i chastnoe pravo. — 2010. — № 3. — S. 24–36.
14. Pobegaylo E. F. Tendentsii sovremennoy prestupnosti i krizis rossiyskoy ugovolnoy politiki // Publichnoe i chastnoe pravo. — 2011. — № 4. — S. 47–66.
15. Lopez R., Carter T., Songster K. Redeeming Justice (November 11, 2020) // 116 NW. U. L. Rev. — 315 (2021). — P. 315–382.
16. Pfaff J. F. Escaping from the Standard Story: Why the Conventional Wisdom on Prison Growth is Wrong, and Where We Can Go from Here (March 25, 2014) // Federal Sentencing Reporter, Forthcoming. — Fordham Law Legal Studies Research Paper No. 2414596. — 19 p.
17. Rai Neetij. Theories of Punishment with Special Focus on Reformatory Theory (May 5, 2010). — 6 p.
18. Salib P. Why Prison?: An Economic Critique (March 6, 2017) // Berkeley Journal of Criminal Law. — 2017, Forthcoming.